

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
"Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена"

Русская
словесность

проблемы эволюции
и поэтики

Сборник научных статей

Санкт-Петербург 2009

ББК 74.261.8
Р 82

*Печатается по рекомендации кафедры
русской литературы и решению редакционно-
издательского совета РГПУ им. А. И. Герцена*

Издание осуществлено при содействии гранта
для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации
(Федеральное агентство по науке и инновациям и Совет по грантам
Президента Российской Федерации) — НШ-5716.2008.6

Научный редактор:
кандидат филологических наук **Е. В. Петровская**

Подготовка текста к печати:
И. В. Козлова, Ю. П. Иванова, К. М. Постникова

Р 82   **Русская словесность: проблемы эволюции и поэтики.**
Сборник научных статей и материалов / Под ред. Е. В. Петров-
ской. — СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2009. Вып. 2. —
190 с.

ISBN 978-5-8064-1503-6

В основу сборника научных статей положены материалы докладов, прочитанных на Всероссийской научной конференции «Герценовские чтения — 2009» (22–24 апреля 2009 г.) и на итоговой конференции Студенческого научного общества филологического факультета РГПУ им. А. И. Герцена (9 апреля 2009 г.). Большая часть работ, представленных в сборнике, принадлежит молодым ученым (аспирантам, студентам магистратуры и выпускникам бакалавриата).

ББК 74.261.8

ISBN 978-5-8064-1503-6

© Авторы статей, 2009
© О. В. Гирдова, дизайн обложки, 2009
© Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2009

Содержание

<i>Ляйрих Елена Борисовна. Теория художественного образа в гуманитарном знании</i>	5
<i>Моисеева Светлана Александровна. Мотивы «прощания/расставания» в свадебной обрядности русских Башкортостана (по материалам фольклорно-этнографических экспедиций 1960–1970 гг.; 1993–2007 гг.)</i>	10
<i>Козлова Ирина Владимировна. Творчество П. С. Губиной в контексте творчества советских сказителей</i>	17
<i>Бычкова Екатерина Евгеньевна. Ритуальное закрепление дружбы в детской культуре</i>	28
<i>Иванайнен Ольга Викторовна. О выражении авторской позиции в «Повести временных лет»</i>	33
<i>Яницкая Светлана Станиславовна. Г. Р. Державин и сумароковская традиция песни-романса</i>	40
<i>Тираспольская Анна Юрьевна. О некоторых особенностях построения нарративного смысла в повестях Н. М. Карамзина «Наталья, боярская дочь», «Сиерра-Морена» и «Остров Борнгольм»</i>	48
<i>Гончарова Ольга Михайловна. «Память» прошлого и «беспамятство» настоящего в размышлениях Н. М. Карамзина</i>	54
<i>Беляева Оксана Николаевна. «Да зато душою молод...»: восприятие «старости» в русской анакреонтике</i>	62
<i>Афанасьева Эльмира Маратовна. Мотив творения «Нового мира» в арзамасской мифологии</i>	69
<i>Михновец Мария Владимировна. Стихотворение В. А. Жуковского «Кольцо души-девицы...»: особенности функционирования будущего времени в песенной лирике</i>	76
<i>Низовцева Мария Борисовна. «Станционный смотритель» А. С. Пушкина и «Станция» П. А. Вяземского: роль художественного предмета в творческом диалоге писателей</i>	82
<i>Ильин Александр Витальевич. Глубинный сюжет повести Н. В. Гоголя «Портрет»: наказание красотой</i>	89
<i>Кузьмина Марина Дмитриевна. «Былое и думы» и документальная проза XIX века: В. С. Печерин и В. И. Кельсиев в диалоге с А. И. Герценом</i>	95

1. Хализев В. Е. Теория литературы: Учебник. 3-е изд., испр. и доп. М., 2002. С. 112.
2. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 32–35.
3. Мандельштам О. Э. Избранное. М., 2002. С. 379.
4. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: Современное написание. М., 2006. С. 580–581
5. Романов А. В. Онтология образа: Дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2001. С. 7.
6. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 367–368.
7. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник. 1984–1985. М., 1986. С. 16.
8. Малахов В. А. Уязвимость любви. Киев, 2005. С. 131.
9. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М., 2003. С. 394.
10. Гачев Г. Д. Воображение и мышление. М., 1999. С. 24–25.

*С. А. Моисеева,
Магнитогорск*

**МОТИВЫ «ПРОЩАНИЯ/РАССТАВАНИЯ»
В СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ БАШКОРТОСТАНА
(по материалам фольклорно-этнографических экспедиций
1960–1970 гг.; 1993–2007 гг.)**

В итоге многолетней экспедиционной работы сотрудников Магнитогорского государственного университета в русских селах Белорецкого района: Кага, Нижний и Верхний Авзян, Узян, Тирлян, Ломовка — накопился богатый материал по свадебной обрядности региона.

Собранные материалы позволяют констатировать, что до середины XX в. в исследуемых селах смысловой доминантой свадебно-обрядового комплекса являлся мотив «прощания/расставания» невесты с домом, с семьей — родом, с социально-возрастной группой, с самой собой — «с зеленёшенькой-молодёшенькой».

Мотивы «прощания/расставания» невесты с освоенным/своим пространством, домом, семьей отразились в региональной традиции «вытья на зорю». Невесты в сёлах Кага, Верхний и Нижний Авзян, по материалам экспедиций 60-х годов XX века, должны были каждое утро и каждый вечер после сватовства выходить на улицу и «отвывать

зорюшку». «А я-то тут вою, ну как чего, чё ж, замуж отдають, как на смерть, думаешь, что ты, куда теперь, да по чужим людям. Как вечер, завываю, все воють, мужики, бывало, не садятся на бревна, плачуть. О! Воють! Зорю, зорю воешь, вечернишнюю и утрешнюю: “Выйду я горькая, выйду я несчастная, (скажут за столы) / За столы сажусь дубовые / Сажусь за сосновую лавочку (говорить) / На дубовый стол (говорить) / Разольюсь я (говорить) горькие / Своими горькими, горячими слезами...” Там протяжно, эдак вот вой и вечером так же» [1].

В поселке Узян был зафиксирован вечерний вариант исполнения «Зори» коллективом подружек:

«Как вечер наступит, невеста начинает выть, а девушки поют, ”зорю отвывают”»:

Закатилася красная солнца,
Она за горыньки за крупные,
Она за лесики за темные,
За поляночки за широкие,
За долиночки за высокие.
Там стояла на чистом поле,
Там стояла новая горенька,
Я в эту гореньку стукала — колотила,
И в эту гореньку просилася» [2].

Таким образом, материалы экспедиций 1960-х годов позволяют сделать предположение о существовании в локальной традиции как монотекстового, так и коллективного (группа девушек-подружек) типа исполнения причитаний. Причем тексты причетов для коллективного исполнения явно тяготеют к песенной форме, что, собственно, могло и определить высокую степень сохранности таких текстов в свадебной обрядности региона.

Материалы экспедиций 1990-х годов свидетельствуют о том, что «зорю выть» ходили на последней неделе перед свадьбой и могли это делать уже дома. «У заднюю избу сажали невесту выть... “Зоренька ты, зоренька ясная, благослови меня, несчастную, в чужи люди идти, дай терпенья на всю жизнь”» [3].

Наиболее полный текст плача записан в Нижнем Авзяне от О. И. Беляевой [4]. В плаче обозначен мотив одиночества невесты, её отчужденности от всех, даже самых близких ей людей. Так «батюшки-на горенка» для неё «новая», «подруженек» приходится «покричать», «родну матушку пробудить».

Рассказ Т. Е. Калиничевой, 1928 года рождения, говорит о затухании в 40-е годы XX столетия в регионе традиции «вытья на зорю»: «Моя прабабушка выла зорю. Она шла на зады, смотрела на зорю и выла: “Родимая мамынька, ты вышла за родимого тятеньку, а меня сдаёшь за чужого дяденьку”. А я уж, нет, не ходила выть — лежала на печке и песни пела, ведь он меня берет — пусть и ревет» [5].

Семантика отчуждения невесты от родного дома репрезентирована в традиции оплакивания ею родительских дверей. За обозначенным свадебным ритуалом в местной традиции в 30–40-е годы прошлого столетия был закреплен широко распространенный в общерусской традиции вариант текста «Ни утиса полоскалася...»:

Ни утиса полоскалася,
Ни белая мылася,
Я үорькая полоскалася,
Я үорькая мылася,
Я нищасная у матушкиной
Жаркой банюшке
Со своими милами подружками
Первый раз и последний.
Открой, родная матушка,
Эти дубовые двери,
Прязябила я свои белыи ножиньки,
Приморозила я свои белыи руциньки
К золотым скобам [6].

Экспедиции последнего десятилетия XX века зафиксировали ритуал в пассивном его бытовании: информанты 1910–1930-х годов рождения, вспоминая собственные свадьбы, отмечали: «После бани невесту не пускают в дом, чтоб для двери повила. Это счас невеста не хочет плакать, а мы рёвом домой просились» [7]. Сакральную сущность в данном случае приобретает локативная компонента: входная дверь как граница между «своим» и «чужим», «жизнью» и «смертью». «После бани пред невестой закрывали дверь. Она должна была причитать: “Вы отворите широкие двери, родимый батюшка, родимая матушка”. Они растворяют, она заходит и кланяется в ноги: “Спасибо вам, родимая матушка, и вам, родимый батюшка. Помыли меня последний раз в бане”» [8].

Мотив «прощания/расставания» с самой собой — девушкой/волей/девичеством и с группой подружек — социально-возрастной группой воплотился в ритуалах «расплетания косы» и «определения красоты». В региональной традиции ритуалы «расплетания косы» и «определе-

ния красоты» в первой половине XX века совершались в последний вечер перед венчанием. «Когда невеста собирается идти в баню, она просит мать расплести ей косу и поет:

Расплети-ко мою трубщиту косу,
Вырежи алуую лентыщку,
Да возьми-кошь ты, мамынька,
На свои рушчи старые.
Тебе красить, мамынька, ее некогда.
Я возьму свою девью красу
На свои рушчи белые,
На свои персты серебряные,
Подыму я свою девью красу
Выше плещ буйной уоловушки,
Да спущу я, мамынька,
Да ниже пояса шелкового,
Да прижму ее, мамынька,
К своему — та ретивому сердешушку.
Хорошо в красе красоваться,
Да щижало с красой расставаться» [9].

«Хрѣсна или мать косу невесте расплетает, а та уливается слезами и причитывает:

Расплети-ка, родимая мамынька,
Мою русую косыньку.
Подыму я свою девью красоту
Выше плеч, до буйной уоловушки,
Я отдам свою девью красоту
Своей милой подруженьке» [10].

«После бани определяли красу. Это любимая подружка делала, ну и мать могла. Невеста плачет: “Определю я свою красу девичью / Родимая матушка, милые сестрицы, / Милые подруженьки”» [11].

Итак, в коротких ритуальных причетах, характерных для местной традиции, невеста просила сестру, мать, подругу снять «девью красу». «Это ещё я была маленькая, надо меньшей сестре подарить ленточку, когда взамуж выходишь. Вот мне сестра дарила и причитывала: ”Вот я тебе дарю, сестричка, русу косыньку, счастье девичье”» [12]. Исследуя значение «красоты» в свадебном ритуале, И. М. Колесницкая выделяет два основных вида плачей по «красоте»: «ритуальные просьбы расплести косу (в основном в северных губерниях) или лириче-

ские — просьбы не расплестать косу или заплести ее крепче, вплести ленту» [13]. До нас дошли главным образом ритуальные причеты, в которых невеста просит расчесать ей косу: «расплетика, мамонька, мою русу косыньку, / развяжи-ка алый бант» (Узян); «милые подруженьки, расплетите косу последний разок» (Ломовка); «милые подруженьки, расчешите мои русы косоньки, / заплетите мои русы косыньки, / заплетите два бантика» (Н. Авзян). Почти во всех зафиксированных нами плачах присутствует мотив отдачи «красоты»: «подарю я свой алый бант / своей подруженьке» (Узян); «я отдам свою девью красоту / своей милой подруженьке» (Н. Авзян). Во всех плачах/причетах «красоту» символизирует ленточка красного цвета.

Развяжи-ка алый бант.
Подниму я свой алый бант выше плеч,
Буйной головушки.
Подарю я свой алый бант своей подруженьке (Узян).

Изучая акт «расплетания косы», И. М. Колесницкая отмечает, что «в исконно славянском обряде существовали три символических действия: расплетание косы, расставание с девичьим венком (повязкой, лентой) и украшение деревца. Причем, возможно, что последний обычай приобрел свое значение позднее, первоначально являясь, как и в календарной обрядности, символом плодородия и благополучия. Образ украшенного деревца локализовался у русских только в центральной полосе, где дублировал образ “красоты-повязки”» [14]. Принимая во внимание подобную классификацию, мы пришли к выводу, что в свадебном обряде русских сел Белорецкого района существовали лишь два символических акта: расплетания косы и расставания с лентой. Символа «украшенного деревца» как более позднего в этих селах нет. По замечанию И. М. Колесницкой, украшенного деревца не было и в свадебной обрядности северных губерний. Таким образом, на акт прощания с «красотой» горнозаводских сел большое влияние оказала традиция именно северных губерний, что отразилось в преобладании ритуальных причетов и наличии двух символических действий: расплетания косы и расставания с лентой.

Заметим, что в региональных текстах-плачах, зафиксированных нами в конце XX века как «воспоминание о традиции», кроме мотивов «расплетания косы» и «отдачи красоты» обозначен и мотив «смены прически». «Как приехать жениху, хрестна с подружками расплетали невесте косу. А невеста должна причитывать:

Расплети русу косу
В первый раз и в последний.
Расплети алые ленточки,
Собери “бараньи” на “шишку”
В последний раз» [15].

«Подрууа нащинает невесте косу щесать, она плащеть:

Милые подруженьки,
Расчешите мои русы косоньки,
Заплетите мои русы косоньки,
Завяжите два бантика.
Ой, наревьёся прямо» [16].

Ритуал смены прически невесты в традиции региона совершался утром венчального дня. «Утром до венца хрёсна невесты просит: “Вы, дорогие родители, разрешите молодой княгине русу косу расплести”. Косу невесте расплетают и делают шишку. Невеста навзрыд плащет» [17]. «Невестина и женихова хрёсны расплетают невесте косу и заплетают потом две» [18]. Поэтому не случайно к середине XX века, когда довенечные ритуалы в культуре региона стали редуцироваться и переходить в разряд пассивных тем свадебной традиции, акты «расплетания косы», «передачи красоты», «смены прически и головного убора» стали совершаться утром венчального дня и представляли уже собой единый контаминированный ритуальный цикл.

Обратим внимание, что в причетных текстах даже позднего исполнения сохранялась традиционная тема «чужой стороны». Обращаясь к матери, подружке, невеста просит рассказать, как она будет жить «в чужой стороне»:

Помоуи-ка, подруженька, перенесть мою тяжесть:
У чужих-то людей, у чужой свекровушки.
Как чужая семья ненавидит меня.
Милая подруженька, не делай ты, так как я,
Не ходи замуж не за мила дружка,
А упасть лучше с камушка со крутого бережка;
Благослови-ка меня,
Родна маменька, роднай папенька.
Во чужи люди пойду-у... [19].

В 60-е годы XX века невесты на свадьбах уже не исполняли «плачей-причетов», но на акциональном уровне остается неизменным традиционное предписание, регламентирующее поведение невесты в

дорегистрационный период, связанное с требованием от девушки-невесты реального плача (слез). «Раньше невеста вопила, подружки ей песни пели. Мама говорила, что невеста должна поплакать в родном доме» [20].

Таким образом, для ритуального контекста причитаний доминантными являлись мотивы «прощения/расставания» невесты с девичеством/с самой собой, поскольку она после замужества должна была освоить новую социальную роль — молодки/молодушки. По замечанию С. Б. Адоньевой, «освоить новую социальную роль означает стать другим, перестать быть собой прежним» [21]. Актуальными для местной традиции причитания оставались до середины XX века. Со второй половины прошлого столетия они перешли в разряд пассивных тем свадебной обрядности. Мотив же «прощения/расставания» невесты с семьей — родом, со своим домом/освоенным пространством пронизывает весь текст свадебно-обрядового комплекса как в ритуальных актах довенечного периода, когда ведущей являлась партия девушек-подружек, так и в ритуалах княжьего стола и второго свадебного дня, когда на первый план выступала старшая социовозрастная группа: родители, родственники, замужние женщины.

Примечания

1. Магнитогорский государственный архив (МГА): Рукописные материалы диалектологических экспедиций под руководством В. А. Сенкевича. Ф. 463, О. 1, Д. 16, Л. 69. Записано от А. З. Кудряшовой, 1890 г. р., с. Нижний Авзян. Здесь и далее в цитатах орфография и название ритуальных актов даны в соответствии с местным произношением.

2. Там же: п. 4. Записано от Д. А. Тюнеговой-Мошевой, 1885 г. р., п. Узян.

3. Архив лаборатории народной культуры МаГУ (Алнк): Материалы фольклорно-этнографической экспедиции (ЭК) 1997. Записано от Н. Ф. Беловой, 1917 г. р., п. Нижний Авзян.

4. Русские свадебные песни горнозаводских сел Башкирии (РСП): Сборник материалов фольклорных экспедиций лаборатории народной культуры МаГУ. Магнитогорск, 2000. С. 45.

5. Алнк. ЭК 1998. Записано от Т. Е. Калиничевой, 1928 г. р., с. Кага.

6. МГА. Записано от А. Г. Точилкиной, 1887 г. р., п. Узян.

7. Алнк. ЭК 1997. Записано от К. А. Платоновой, 1936 г. р., п. Нижний Авзян.

8. См. № 3.

9. МГА, Ф. 463, О. 1, д. 65. Записано от Д. А. Тюнеговой-Мошевой, 1885 г. р., п. Узян.

10. Алнк. ЭК 1995. Записано от А. Г. Бешкорева, 1919 г. р., с. Узян.

11. Там же. Записано от Е. П. Бочаровой, 1914 г. р., с. Узьян.
12. Там же. ЭК 1999. Записано от Е. Г. Волковой, 1906 г. р., п. Тирлян.
13. *Колесницкая И. М.* Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // *Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами.* Л., 1977. С. 113.
14. Там же. С. 121.
15. См. № 3.
16. Алнк. ЭК 1997. Записано от А. Г. Илисовой, 1915 г. р., п. Верхний Авзян.
17. Там же. ЭК 1998. Записано от А. И. Платоновой, 1027 г. р., п. Нижний Авзян.
18. Там же. ЭК 1999. Записано от А. Н. Гавриловой, 1923 г. р., п. Тирлян.
19. РСП... С. 38,43.
20. Алнк. ЭК 1999. Записано от В. А. Зиминой, 1930 г. р., п. Тирлян.
21. *Адоньева С. Б.* Прагматика фольклора: частушка, заговор, причет (Белозерская традиция XX в.): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. С. 32.

*И. В. Козлова,
Санкт-Петербург*

ТВОРЧЕСТВО П. С. ГУБИНОЙ В КОНТЕКСТЕ ТВОРЧЕСТВА СОВЕТСКИХ СКАЗИТЕЛЕЙ

Эпические и лиро-эпические новообразования советского времени привлекают все большее внимание современных исследователей [1]. Конец 1930-х годов часто называют временем «сказительского движения», народные певцы принимались тогда в Союз писателей СССР и получали ордена, их творчество, несомненно, было значимой страницей в истории культурной и общественной жизни Советского Союза.

В эти годы носители традиционного фольклора стали создавать собственные произведения, которые печатали в газетах и журналах, издавали отдельными сборниками. Сказителей, выделявшихся своим талантом, посещали фольклористы, писатели и журналисты с целью оказания им помощи в творческой работе при создании новых произведений [2]. Помощь заключалась в первую очередь в совместном выборе актуальной для современной жизни темы. Такими темами служили подвиги героев гражданской войны, мужество, проявленное советскими людьми в мирное время при выполнении сложных задач, прославление колхозной жизни и т. д.